

С. А. Панчулидзев

ЗНАЧЕНИЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ ПАВЛА I

Мы не имеем возможности представить здесь полную картину всего, что сделано Павлом I относительно вооруженных сил России. Подобного рода работе должен был бы предшествовать целый ряд исследований отдельных вопросов из разных сфер жизни армии; но, насколько нам известно, до сих пор ничего подобного не сделано. В общих чертах мы можем лишь свидетельствовать, что многое из заповеденного Павлом I сохранилось с пользою для армии до наших дней, и, если беспристрастно отнестись к его военным реформам, то необходимо будет признать, что наша армия обязана ему весьма многим.

Чины л.-гв. Измайловского полка на фоне дворца в Павловске.
1800 г.

Известно, что, вступив на престол, Павел I начал ломку созданного его матерью. Главным объектом ломки была армия, как потому, что военная служба всегда пользовалась особой любовью Павла I, так и потому, что он считал армию наиболее нуждающейся в реформах. Военные реформы Павла I имеют две стороны: 1) положительную и 2) отрицательную. Мы сделаем попытку указать на основании того материала, который нам удалось разобрать, что именно относится к первой и что ко второй стороне.

Стремление императора Павла было дать армии прочную организацию как в материальном, так и в нравственном отношениях. Павел I ясно видел зло, почти всегда безошибочно находил подходящее средство к его исправлению, но затем, как по свойствам своей неуваженной природы, так и по причинам, вне его лежащим, весьма часто неумело применял найденное им средство. Главные недуги екатерининской армии, заключались в излишней самостоятельности начальников, начиная с полковых командиров, самостоятельности, зачастую переходившей в произвол. Из произвола вытекали: 1) казнокрадство; 2) жестокое, превышающее требования закона, обращение с нижними чинами; 3) притеснение обывателей; 4) несоблюдение строевых уставов.

Привыкнув всем лично управлять в Гатчине и Павловске, входить лично во все мелочные подробности службы, Павел I, сделавшись императором, ясно сознавал, что реформы его будут приняты неохотно, что их не будут на деле применять, но что ему будут доносить об исполнении его распоряжений. Чтобы избежать такого положения вещей, император Павел заводит, инспекторов, рассчитывая иметь в них «царево око» и таким образом, знать действительное положение дел. Теоретически мысль казалась верной, но практически она, как мы то укажем ниже, была невосуществима.

С казнокрадством император Павел решил бороться точной регламентацией и строгими наказаниями. В высочайших приказах стали все чаще и чаще попадаться «исключение из службы» или же «исключение из службы с отсылкою к военному суду». Полкам же, содержащим полный комплект лошадей, объявлялось Высочайшее благоволение.

«Предписывается Военной Коллегии наблюдать, что, когда в пяти-эскадронном полку более 50 лошадей, а в десяти-эскадронном более 100 не достает, то у шефов полка останавливать жалованье.

исключая новоформируемые полки». (Высочайший приказ 7 февраля 1799 г.)

«Е. И. В-во Высочайше повелевает: всем инспекторам, по приведе рекрут в полки их инспекций, спрашивать у них, не имели ли каких притеснений от офицера, ведущего их, и, если они объявили жалобу, то таких офицеров и оных рядовых отдавать под военный суд для рассмотрения и поступления по законам. За всякого же бежавшего рекрута взыскивать с офицера двухнедельное его жалованье, если же окажется так же умерших рекрут со ста более одного, то и за таких излишних взыскивать с офицеров то же двухнедельное жалованье». (Высочайший приказ 12 января 1798 г.)

«Войска Донского полковник Щедров за удержание у нижних чинов провианта и фуражи исключается из службы». — «Кирасирского Эссе-на 2-го полка майор Беленцов, по представлению шефа, за развратную жизнь, разные по службе упущения и употребление для себя в упряжь казенную лошадь исключается из службы с отобранием патентов». (Высочайшие приказы 3 и 16 ноября 1799 г.)

«Гарнизонного Бушена полка поручик Сафонов, по сентенции Военного Суда, за употребление казенных денег на собственные издержки исключается из службы с лишением чинов». — «Исключается из службы и отсылается к суду Гусарского Телепнева полка подполковник Турский за нерадение к службе и за недодачу казенным лошадям фуражи». — «Исключается из службы Егерского Ведомства полка капитан Бондаревский за недодачу нижним чинам жалованья и за употребление казенных денег на свои надобности». — «Ген.-лейт. Острожский за употребление нижних чинов в партикулярную работу и удержание у себя их заработанных денег п-м посыпку фурлейтов красть лошадей, при которой краже один из них без вести пропал, а он в рапорте показал его умершим, и прочих непорядках, исключается из службы и отсылается к суду в Генерал-Аудиториат». — «Ген.-лейт. Свечин 2-ой за большой недостаток лошадей в командуемом им полку отставляется от службы». (Высочайший приказ 1800 г., 9 февраля, 22 и 27 апреля, 3 мая, 26 ноября.)

«Гарнизонного Ретюнского полка капитан Булатов за взятие у одного grenadera двух рублей за отпуск его в вольную работу, а у другого образца для отдачи под заклад в питейный дом, а поручик Бурундуков за отобрание у grenadera ж 1 рубль 12 коп., за обращение в

пьянстве, оба выключаются из списков и отдаются под военный суд.» (Высочайший приказ 7 февраля 1800 г.)

Мы видели выше, что император Павел был убежденный сторонник телесных наказаний, но он требовал, чтобы и в этом отношении точно соблюдали закон. За «жестокое обращение», «за неумеренные побои», «за жестокое наказание» виновные не только «исключаются из службы», но и «отсылаются под суд». Нельзя не обратить внимания, что «гоняние сквозь строй» при императоре Павле не только было урегулировано уставом, но было несравненно менее жестоко, нежели в последующие времена. Устав 1797 года требовал: 1) чтобы люди 3-ей шеренги вступали в 1-ю и 2-ю шеренгу, то есть при экзекуции люди стояли еще теснее, чем в строю, а потому размах удара не мог быть велик; 2) сломанные прутья не заменялись новыми, и, главное, 3) наказуемый не был привязан к ружьям, его не вели связанным, а он «бежал», хотя впереди его шел унтер-офицер, «оборотя острый конец обнаженного палаша» к наказуемому.

«По военному суду, производимому Кирасирского Фридериция полка над корн. Шлиппенбахом, делается замечание генерал-аудитору, что он забыл порядок службы, и что часовые стояли по пяти часов, что совсем противно порядку службы, и относится сие бесподобственно к шефу, который за то исключается из службы; корнета же Шлиппенбаха, по приговору военного суда, содержать под арестом шесть месяцев». — «Гусарского Кишинского полка майор Петцольд за жестокое с нижними чинами обращение и неумеренные побои, от коих нижние чины делали побеги, исключается из службы с отобранием, патентов». — «Гарнизонного Ретюнского полка подполковник Самарин, который, вместо обыкновенного наказания гренадера Пониратова спиц-рутьем, велел его привезти, на место экзекуции на лошади, скованного, босиком, во одном плаще и рубашке, потом, расковав, велел привязать на сани, и таким образом возим он был по фронту более положенного числа раз; по окончании же наказания не дозволил ему отворить кровь, и оный Пониратов через несколько часов умер; в месячном же рапорте показал умершим в госпитале, и за принуждение ротных командиров принимать негодные амуничины вещи, и за разные по службе злоупотребления — исключается из служ-

бы с лишением чинов и отсылается под суд». (Высочайшие приказы 25 июня, 4 ноября, 19 декабря 1799 г.)

«Кирасирского Козенца полка майор. Шубин за жестокое наказание нижних чинов и за употребление казенных денег на собственные нужды исключается из службы». — «Гусарского гр. Витгенштейна полка подполковник Маслов 3-й за ложный донос на шефа, за употребление нижних чинов в партикулярные работы без платежа и согласия их, за жестокие им побои и удержание разных вещей исключается со службы с отобранием патентов». — «Шеф Егерского полка г.-м. Шишков за непрочную в бывшем полку его имени конскую упряжь, за неисправность лазарета и за неименье для часовых тулупов отставляется от службы». — «Шеф Мушкетерского полка г.-м. Берх за несбережение людей, у которого, будучи с полком на месте, показано с Мая месяца, (что) умерло 189 рядовых, исключается из службы и отсылается к суду в Генерал-Аудиториат». — «Мушкетерского Корфа полка полковой командир полк. Дренякин за неумеренный побег из командающего им полка рядовых, коих с прошлого Мая месяца бежало 69 человек, исключается из службы и отсылается к суду в Г.-Аудиториат». (Высочайшие приказы 7 февраля, 13 апреля, 21 мая, 28 июля, 15 октября, 7 декабря 1800 г.)

«Выключается из службы Гусарского гр. Зубова полка полк. Вындормский за большой побег рядовых во время командования его полком». — «По случаю происшедшего от неисправности команды Мариентальского гарнизона канониру Лихачеву во время пальбы увечья определен он на инвалидное содержание на счет командовавшего им л.-гв. Артиллерийского батальона полковника Ставитского, и предписывается впредь в подобных сему приключениях всех таковых же увечных, отставляя на инвалидное содержание, содержать на счет тех командиров, в ведомстве которого сие случится». — «Шеф Мушкетерского полка г.-м. Дистерло 2-й, но сентенции военного суда, за незнание службы в обучении полка после обеда отставляется от службы». (Высочайшие приказы 25 июня и 4 ноября 1799 г.)

За малое количество больных и слабых в полках Император Павел объявляет свое благоволение. Павел I не только строго карал военных за притеснение обывателей, но требовал, чтобы войска при народных бедствиях содействовали прекращению их.

«Мушкетерского Римского-Корсакова полка полковому командиру полковнику Дрекселю Е. И. В-во объявляет свое благоволение на имение в полку только 4-х человек больных и 5-ти слабых». (Высочайший приказ 22 августа 1799 г.)

«Мушкетерского Роттога полка штабс-капитан Савицкий за особливое попечение о препорученной ему роте, в которой вовсе несколько месяцев не было больных, в пример другим производится в капитаны». (Высочайший приказ 2 октября 1800 г.)

«Конного кн. Ратиева полка корнет Булибаш-Гойман за посыпку команды его нижних чинов на воровство исключается из службы и отсылаются под военный суд». — «Войска Донского полк. Родионов 2-й за сдечение казаками полка его имени смертоубийства исключается из службы». — «Ген.-лейт. Шепелев за смертное убийство дворянки Смирновой в полку его и за нерапортование о том исключается из службы и отсылается к суду в Генерал-Аудиториат». (27 октября 1800 г.)

«Отставленный 24 Октября сего 1800 года из Мушкетерского Дрекселя полка прап. Михайлова за ненаблюдение за подчиненными ему рядовыми должного присмотра, за обращение с ними вместе в пьяньстве, отчего двое, отлучась от своих мест, обокрали обывателя, по представлению Шефа, выключается из службы с отобранием латента и отсылается к суду».

В декабре 1799 года кн. Голицын, командуя С.-Петербургским грен. полком в Риге, вел полк на развод по одной из улиц города. Барабанщики и музыканты по его приказу заиграли под окнами дома, где к несчастью находилась беременная женщина. Она чрезвычайно испугалась. Последовали, преждевременные роды и за ними смерть матери и ребенка. Этот случай был поводом к отставке Голицына (31 Декабря). Но в следующем году он был снова принят на службу с повелением состоять по армии. Случай этот изображен в Спб. Ведомостях иначе: «Генерал-лейтенант князь Голицын 2-й, позволивший себе, стоя на квартирах в Риге, привести барабанщиков своего полка на квартиру консула Тромповского и заставить бить в барабан до тех пор, что младенец оного Тромповского от испугу умер, за каковую шалость отставлен от службы», (№ 30 1800 г.).

«Господин генерал-фельдмаршал и Нашей Военной Коллегии президент граф Салтыков. Из жалованья генерал-майора Тормасова повелеваем вычитать ежегодно по сту рублей и отдавать оные в пенсион иностранцу Готфриду Ниланду во удовлетворение за бой иувечье,

причиненные ему помянутым генерал-майором. Пребываем впрочем вам благосклонны. Подписано тако: „Павел“. В Гатчине, Августа 21 дня 1797 г.». (Лефортовский архив, кн. Высочайших указов 1797 г. № 6, стр. 30).

«Ген.-лейт. Докторов за беспорядки по полку его, за насильное взятие штабс-капитаном Карпухиным под постом себе дому с непристойным обруганием хозяина, от которого, по принесении жалобы, вместо удовлетворения сам Докторов бил его в грудь и с бранью выгнал вон от себя, исключается из службы обще с помянутым капитаном Крапухиным, и отсылаются оба к суду в Генерал-Аудиторат». — «Во время вчерашнего пожара Е. И. В-во усмотреть изволил, что никто из гг. офицеров л.-гв. Семеновского полка батальона Депрерадовича и Гвардии Егерского батальона не находился при работе у пожара; за что и объявляет неудовольствие с подтверждением, что, если они впредь не будут рачительнее исполнять свои обязанности, то взыскано будет во всей военной строгости. Л.-гв. Конного полку иметь шпоры короче. Е. И. В-во объявляет бывшим вчерашнего числа на пожар войскам по чарке вина и по фунту говядины». (Высочайшие приказы 7 апреля, 3 мая, 26 июня, 9 сентября, 23 ноября 1800 г.). — «Ген.-лейт. Гагенмейстер за то, что отобрал в местечке Немирове у обывателей все пожарные лестницы к себе на конюшни и по донесении ему во оном, местечке о пожаре дал приказ команде своей о утешении оного с крайним небрежением, от чего рядовые, не стараясь тушить оного, бросились на расхищение и некоторые найдены задушенными в погребах, не в силах будучи из оных выйти с грабежом, как негодный, исключается из службы».

Император Павел со свойственной ему стремительностью, не успела его мать еще закрыть глаз, принял за реформы. Но, признавая несвоевременность нововведений, а также слишком резкое применение их, бросавшее к тому же тень на память его матери, нельзя не согласиться, что многие из них были вызваны действительными потребностями. Предъявленные Павлом I требования к службе были строги, а некоторые, как мы увидим ниже, не вызывались действительной потребностью, но мы не должны забывать, что служба при Екатерине была чересчур уже «спокойная». С целью сократить расходы офицеров и прекратить среди них одевание «по моде», столь мало свойственное военному духу, Павел Петрович изменил форму гвардии на

более дешевую и воспретил офицерам ношение статского платья, а равно шуб и муфт. Офицерам воспрещено было ездить в каретах, в каретах могли только ездить их жены, и то на паре. Вместе с тем запрещено было иметь при выездах егерей, казаков, гусаров, то есть как обращать солдат в лакеев, так и одевать лакеев в военную форму.

28 декабря 1798 г. распоряжение о шубах вновь подтверждено: «Подтверждается гг. офицерами не носить ныне шуб кроме мундирных шинелей, под которые зимою подшивать мех». Высочайший приказ 7 ноября 1796 г. заключался в следующем: «Гг. генералам другого мундира не носить кроме того корпуса, которому принадлежать; вообще, чтоб офицеры не носили ни в каком случае иного одеяния, как мундиры». Исключение составляли маскарады: «По случившемуся беспорядку в Москве во время маскарада и неучтивства, оказанного отставным майором Спренгспортеном княжне Волконской, запрещается всем чинам впредь без маскарадного платья ездить в маскарад, а майора Спренгспортена арестовать на неделю, а ежели впредь кто приедет в маскарад в собственном кафтане или мундире и без маскарадного платья, то таковых брать под караул». (Высочайший приказ 7 января 1798 г.)

«Его И. В-во Высочайше повелеть соизволил, чтобы никто не имел за своими экипажами слуг, одетых в гусарское или под другим названием платье кроме ливрей, каждому классу приличной... Никому ни под каким видом при экипажах верховых ординарцев не иметь. Обывательские кучера и форейторы, равно и нанимаемые и сами ездишие извозчики шибкой езды и непристойностей не производили, а поступали по данным им билетам непременно. (Указ 19 Ноября 1796 г.)

Приводим ниже «распоряжение времен Императора Павла», вероятно, список с полкового приказа. «Усмотря во многом числе офицеров с закутанными шеями родом толстых белых платков или другого сорту обвития, на подобие как бы одержимы были жабною болезнью, но столько же недозволенного и неприличного к мундиру, как бы и платок на шее распущенный, и затем, никто с получения приказа да не осмелится так, неприлично быть одету в мундир: ибо сие дозволительно и пристойно к утреннему платью или сертуку, но нимало пристежать во дворец, или где долг звания требует. А иметь галстуки обыкновенно белые и в толщину и в ширину обыкновенную. А буде бы

кто из офицеров не хотел понять, каковой галстук я приличным офицерской одежде считаю, то может смотреть на своей роты солдат и, держась того, или которой он прежде на шее имел до возложения теперь многими употребляемого сего рода хомутины, то и будет одет, как был прежде по одежде своей, а не так, как в утреннем платье. К сему же те господа могут быть уверены, что и в тех местах, откуда сие перешло, конечно, ни один офицер с мундиром никогда не только, чтобы надевать, но и не мнил, и видя здесь, столько же странно находит, как всякий в военном назначении служащий. К тому же сказать должен и то, что одежда строевая не переменяется никогда по примеру первовъезжего из чужих земель, но остается навсегда, как предположено».

Император Павел справедливо находил, что лица, совершившие не только преступные деяния, но и поступки, хотя и не караемые законом, но несовместные с порядочностью, не могут и не должны быть терпимы в офицерской среде. Как следствие вышеприведенного взгляда на офицерское звание, должно было явиться у Павла I, если не формальное разрешение дуэлей, то крайне снисходительное к ним отношение. Высоко ставя военную службу, признавая ее одну почетную, Император Павел весьма последовательно должен был прийти к заключению, что офицерского звания достойны преимущественно дворяне, а из не дворян только те которые продолжительной, безупречной службою вunter-офицерском звании подготовили себя и доказали свою годность быть офицерами. На этом основании Павел I исключал из службы всех офицеров не дворянского происхождения, произведенных в офицеры в обход закона. Чтобы оградить офицерскую среду от вторжения в нее нежелательного элемента, Император Павел издал приказ об испрошении Высочайшего разрешения на вступление в брак, «донося именно, на ком жениться желает». К числу положительных реформ императора Павла следует отнести придание управлению военного духовенства самостоятельности в административном отношении.

«Мушкетерского Розена полка поручик Нурджевской, поступивший из такого звания людей, из каковых офицерами быть не следует, исключается из сего звания и отсылается к гражданскому суду ;за то,

что он, бывши в Днепровском нижнем суде секретарем, с прочими бывшими присутствующими того же суда найден виновным противу законного произведения на предержателях воровских вещей дела и в покорыстовании некоторыми отобранными из имения преступниками вещами». (Высочайший приказ 3 апреля 1800 г.)

«Шеф Егерского п-ка генерал-лейтенант Стоянов за пьянство исключается из службы». — «Гарнизонного Булгакова полка поручик Назимов за бесчувственное пьянство и безчинное звание ко офицерскому поступку исключается из службы с отобранием патентов». — «Гранодерского Мамаева полка прал. Протопопов за частое обращение в пьянстве и других несоответствующих офицерскому званию поступках выключается из службы с отобранием патентов». (Высочайшие приказы 12 марта, 19 декабря 1800 г.). — «Просьба исключенного из службы прaporщика Андрея Тресоголова, жалующегося на несправедливое якобы донесение майора Мантайфеля о нетрезвом состоянии его, оставляется без уважения, поелику он и сам пишет, что упражнялся в том временно». — «Л.-гв. Е. В. Николая Павловича полка полковник Мусин-Пушкин, за дурное поведение и за обман дочери Д. Т. Советницы Боженой обещанием на ней жениться исключается из службы».

«Мушкетерского Повало-Швейковского 2-го полка прaporщик Дерюгин, по сентенции военного суда, как офицеру с пощечиной трудно оставаться и видно, что он шлаги не носил, — исключается из службы». — Выключаются командир Кирас. гр. Салтыкова 2-го полка полк. Кумано за дурное содержание дисциплины между офицерами командуемого им полка (с отобранием патентов), а двое офицеров за сделанную между собою драку — с отданием под военный суд. (Высочайшие приказы 13 сентября, 7 декабря 1800 г.)

«Кирасирского Бардакова полку корнет Глазович, так как он управительский сын, отставлен» от службы». — «Гусарского Анненкова полку из купцов корнет Протопопов исключается из службы, понеже сие звание ему не следует». (Высочайший приказ 3 февраля 1798 г.)

«Многие шефы полков представляют унтер-офицеров к производству на ваканции в прaporщики не из дворян, чрез что и подтверждается всем шефам, чтобы отнюдь таковых представлений не делать не только в обер-офицеры, ко даже и в портупеи-прaporщики и подпрaporщики, потому что в оных званиях одни только дворяне

должны состоять». (Высочайшие приказы 3 февраля, 17 апреля 1798 г.)

Высочайший приказ 26 января 1800 г. — Приказ этот, вероятно, был вызван тем, что требование устава относительно испрошения разрешения начальства на вступление в брак не исполнялось. «В Уставе предписано: каждому офицеру, принявшему намерение жениться, спрашивать должно от начальства на то дозволение, а как ген.-майор Неклюдов, коему следовало на то испросить дозволение Е. И. В-ва, но сего не исполнил, то за оное делается ему выговор». (Высочайший приказ 11 декабря 1799 г.)

«Чтобы все воинские чины по делам, до духовного начальства касающимся, относились прямо к обер-священнику, а не в консисторию». (Именной указ Военной Коллегии, июнь 1800 г., № 104). «Всем священникам лейб-гвардии полков состоять под ведением обер-полевого священника Озерецковского». (Высочайший приказ 22 апреля 1800 г.)

К отрицательным сторонам реформ Императора Павла должно отнести: 1) перемену обмундирования; 2) замену названий полков по местностям — названиями по именам шефов; 3) обозначение однофамильцев номерами, а не именами; 4) слепое подражание прусской строевой службе времен Фридриха II и 5) наконец ту горячность и страсть, которые Император Павел проявлял при проведении в жизнь своих реформ.

К числу несомненно отрицательных реформ Императора Павла следует отнести наименование полков по именам их шефов. Шефы — установление средневековое, ведущее свое начало от комплектования вербовкою, а потому на Западе в былое время оно имело свой резон, но нисколько не соответствовало духу и традициям русской армии. При весьма частых переменах шефов новая система наименования полков производила постоянную путаницу.

До 1 ноября 1798 года большинство полков сохраняло свои старые, у большинства прославленные в сражениях, имена. Только высочайшим приказом 31 октября 1798 года повелено было: «От ныне впредь называться всем полкам как инфантерии, равно и кавалерии, по именам своих шефов». Общая участь постигла и всю гвардию за исключением Кавалергардского полка, который никогда по имени своего шефа, Уварова, не назывался.

Обстоятельства так сложились, что Павел Петрович мог изучить лишь теоретически военное дело; по независящим от него причинам он не был в состоянии изучить его практически. Екатерина II не только не позволяла ему участвовать в военных действиях, что еще могло бы быть объяснимо опасением за его жизнь, как наследника престола, но систематически препятствовала ему заниматься практически серьезной стороной военного дела и при мирной обстановке. Что же касается до «Гатчинских войск», то занятия ими при условиях, в которые были поставлены Цесаревич и эти войска, были не только игрой, но игрой вредной, исказившей взгляды его на военное дело.

Существует мнение, что император Павел ввел прусский строевой устав. Это не вполне так: основания устава екатерининских войск и без того были прусские, но он не был копией Фридриховых регламентов; кроме того при Екатерине начальники могли вносить свой личный взгляд в метод применения устава к делу. Павел ввел прусский устав 1760 года, но с некоторыми исключениями и добавками, которые имели смысл не компромисса с существующим порядком, а протеста против него. Тут все было предусмотрено, взвешено и смеряно, начиная с приравнения фельдмаршала к простым генералам (так как требовалась от всех одинаковая исполнительность) и кончая мерою кос; ничего не было условным.

В жизни государства еще более, чем в жизни каждого человека, необходимо принимать во внимание элемент времени и при том в двух его проявлениях: 1) своевременности, 2) количества потребного времени. Не все то хорошо, что хорошо в теории, но только то, что при данной обстановке жизни может быть воспринято и усвоено; применяя к жизни данную идею, должно дать достаточно времени для ее применения, а не требовать мгновенного результата. Между тем Павел I при проведении своих реформ неизбежно должен был столкнуться с представителями екатерининских времен, покрытых славою ее победоносных войн. Столкновения эти можно было миновать, или выждав их смерть, или же вводя реформы мало-помалу и незаметно. Но страстная натура Павла Петровича не позволяла ему выждать; его резкие требования вызвали не менее резкие возражения, переходившие, например, со стороны Суворова, в явное глумление. Надо было одно из двух: или чтобы Павел I умерил свою поспешность, или чтобы Суворов пожертвовал своим самолюбием. Но и то и другое было выше природы каждого из них; происходили столкновения, расшатывав-

шие не только воинскую дисциплину, но и уважение к царскому сану. Поспешность, свойственная характеру императора Павла, выразилась в том, что он не давал времени для разучивания нового устава, для навыкания к новым его требованиям в различных отраслях военного дела. Особенно тяжело было гвардии, которой пришлось обучаться новому уставу под личным наблюдением государя, ибо у него учения были в то же время и смотрами, то есть обучение уставу производилось одновременно с испытанием в его знании и всегда в присутствии императора.

Мы уже видели, что при вступление императора Павла на престол воинская дисциплина — и особенно среди офицеров — как внешняя, так и внутренняя, оставляла желать лучшего; несомненно, необходимо было положить конец такому положению дела, и Павел I в данном случае не только верно видел общее положение дел, но и прибегнул к верному средству для исправления. Армия есть учреждение, наименее терпящее «местничество», то есть постановку «происхождения» выше личных заслуг. И это не потому, конечно, чтобы в других сферах государственной деятельности было бы обратное, но потому, что нигде, как на войне, негодность этого принципа не выступает так резко, нигде так быстро и ощутительно для всего государства не следует наказание за пренебрежение этим принципом.

Сущность реформ императора Павла едва ли не может быть выражена в следующих основных положениях: 1) Основанием воинской дисциплины должен быть закон, одинаково для всех военнослужащих обязательный.

В полки гвардейской кавалерии присыпались выписи из Высочайших указов, указов Сената и Военной Коллегии; выписи эти присыпались за подписью Вел. Кн. Константина Павловича, по званию его инспектора всей кавалерии. В числе таковых 27 ноября 1800 г. прислана нижеследующая: «Дабы уголовные и следственные дела в преступлении должностей, так как от решения их зависит честь и жизнь подсудимых, производимы были с особенным вниманием и крайнею осмотрительностью по предписаным правилам» (Полковой архив. Ч. I. № 1).

2) Главный залог благоустройства армии — ее корпус офицеров, который должен обладать безусловной честностью, благородством поведения и примерной исполнительностью всех требований службы.

Такие благие, но теоретические соображения, примененные к тогдашней России, были чрезмерны и несвоевременны. России, как мы уже неоднократно имели случай указывать, никогда не знала иноземного или вербовочного войска; всегда ее армия была национальная, а следовательно, рассматривать русскую армию вне ее государственных учреждений решительно невозможно. Само собою разумеется, что национальная армия, составляя часть государственных учреждений, вытекших из недр государства, не могла находиться в безусловном противоречии с последними.

Павел I не терпел ни лжи, ни скрытности и потому был весьма последователен в том, что свои замечания оглашал во всеобщее сведение. Едва ли это оглашение в печати не вызвало еще большего раздражения, нежели самые замечания. Мы должны сознаться, что нередко замечания, оглашаемые в Высочайших приказах, были редактированы в оскорбительных выражениях. Еще более оскорбительно бывали редактированы Высочайшие указы.

«Подполковнику Неклюдову. Государь Император соизволил указать, отослав вам рапорт, вами присланный, объявить, что вы должны иметь тупое понятие, писав по форме семьсот девяносто третьего года. А постановленная — семьсот девяносто шестого года, при сем прилагается». (Лефортовский архив, книга высочайших указов 1797 г. № 7. стр. 83). — «Полковнику Иванову. Государь Император на донесение ваше от 28 Ноября, что вверенного нам полку подполковник Титов на марше вез с собою женщину, указать соизволил: объявить вам «дурака» зато, что мешаетесь не в свое дело». — «Генералу Л.... Государь Император, получив сего числа рапорт ваш, коим доносите, что вследствие Высочайшего повеления, вам данного, все вами «выполнено» будет, указать соизволил: дать вам знать, что «выполняются» только тазы..., а повеления должно исполнять». Такого рода указы не составляли исключения для одних военных; их получали и лица гражданского ведомства: «Высочайше повелено к губернатору (Пермскому Модераху) написать дурака за то несовместное донесение, 14 Апр. 1800 года». (Государственный Архив, VII, 3551).

Но, чтобы беспристрастно разобраться в этом деле, следовало бы знать, какие взыскания действительно практиковались в армии при Екатерине II. Мы вполне верим тому, что арестование офицеров вы-

шло из обыкновения в гвардии и во флоте, но то ли самое было и в армии? Вместе с тем не должно забывать, что арестование офицеров не практиковалось в гвардии не потому, чтобы этого рода взыскание считалось унизительным, но оттого, что вообще гвардейские офицеры, да и вся гвардия при Екатерине II, были донельзя распущены. Строгости в духе прусского устава, введенный Императором Павлом, несомненно, были чрезмерны; к тому же они не вполне достигали своей цели: Павел I, не помнивший себя, когда он бывал в раздраженном состоянии, успокоившись, не только спешил сам отменить наказание, но затем и награждал столь же безмерно широко, сколько карал.

Полагаем, что мы достаточно привели примеров, характеризующих неумеренность требований Павла I и его личную необузданность. Предупреждаем, что мы выбрали все наиболее резкие проявления и того и другого. Но у многих исследователей царствования Императора Павла мы видим, что к числу подобных распоряжений отнесены такие, какие, казалось бы, не следовало причислять к этой категории. Не стоило бы обращать, пожалуй, внимания на подобное смешение понятий о военной службе, если бы исследователи были не военными, но едва ли мы вправе оставлять этот вопрос без посильного разъяснения, когда такого рода мнение исходит от лиц, принадлежащих к военной среде.

«Приказы, отдаваемые по случаю вступления войск, вернувшихся из заграничного похода», говорит профессор Военной Академии П. С. Лебедев, «познакомят нас с сущностью дела и избавят от выводов и рассуждений. Тут факты говорят сами за себя».

«1800, марта 22-го. Его И. В-во с крайним неудовольствием замечает по возвращающимся полкам, сколь мало господа инспекторы и шефы прилагали старания к сохранению службы в таком порядке, как бы Императорскому Величеству угодно, и следственно видит, сколь мало они усердствовали в исполнении его воли и службе».

«1800, апреля 8-го. Мушкетерским полкам, потерявшим знамена: Ласунского — три; Тучкова 1-го — два; Прибышевского — одно; Измайлова — одно; Повало-Швейковского 2-го — два и Вязьмитинова — одно, впредь знамен давано не будет».

«Е. И. В-во, усмотря по пришедшему с границы Мушкетерскому Бороздина полку, что во всех частях, составляющих службу, сделано

упущение, даже и обыкновенный шаг ни мало не сходен с предписаным уставом, и видя противное всему данному Высочайшему повелению, делает замечание на общее лицо».

«1800, августа 9-го. Е. И. В-во, заметя из бывшего сегодня маневра неисполнение войск Финляндской инспекции по данной им диспозиции, что левая колонна, пришед гораздо прежде правой на назначенное место, дождалась оной, стоя по-взводно под огнем неприятеля, не прикрыв себя кавалерию и егерями, как то предписано было, и что в ретираде эскадронов мимо фронта один батальон выстрелил по всей кавалерии, за что делается выговор генерал-лейтенанту князю Горчакову, — объявляет: что, конечно, точно таковое же неисполнение и оплошность генералов были причиной потерянных сражений в Швейцарии и Голландии».

«1800, августа 10-го. Его И. В-во дает на замечание генералам инспекции Финляндской, что они видят сами, сколь далеко они от того даже, чтобы быть им генералами посредственными, и что, пока будут они таковы, — везде, конечно, и всеми будут биты.»

«Таким образом лавры русских войск, которыми так восторгались издали, опали сами собою, когда принялись разбирать это войско ближе в строевом и уставном отношениях; оказалось, что «война испортила солдат», — выражение, сделавшееся классическим и повторявшиеся впоследствии несколько раз».

Приказы эти так сгруппированы, что, действительно, вывод из них, сделанный П. С. Лебедевым, напрашивается сам собою; можно даже подумать, что цитата «война испортила солдат (*la guerre gate le soldat*) принадлежала императору Павлу. Но такого взгляда на войну Павел I никогда не выражал, и эти слова принадлежат великому князю Константину Павловичу, и сказаны они были много позже...

Мы полагаем, что более точное представление возможно себе сделать, когда просмотришь все Высочайшие приказы, относящиеся до наших войск, участвовавших в военных действиях в 1799 году.

«Выкидываются из службы с лишением чинов, дворянства и преломлением шлаг над головою за трусость, оказанную в сражении против неприятеля, где они бежали» (трое обер-офицеров).

«За несохранение порядка дисциплины и послушания отнимаются бои у полков (11 полков и 6 батальонов). Полк же Завалишина, потеряв знамя, оное ему новым не заменяется».

«Егерского Сутгофа полка майор Мамаев за ложное рапортование себя больным и самовольную отлучку от команды исключается из службы».

«Генерал-майор Арбенев за трусость, оказанную в сражении против неприятеля, где он, оставя вверенный ему полк, сам удалился за 40 верст от места сражения, исключается из службы» (Высочайший приказ 24 октября 1799 г.)

Мы решительно недоумеваем, что может поражать в высочайшем приказе 8 апреля 1800 г. (или в приведенном нами о полку Завалишина). Полки, потерявшие свои знамена, должны заслужить новые свою кровью, и такие полки еще за счастье и милость почитают, что их не раскассировывают, а дают им возможность загладить свое преступление. Приказы 9 и 10 августа были бы несправедливы и оскорбительны в том только случае, если бы, во-первых, действительно не было совершено генералами Финляндской инспекции целого ряда грубейших ошибок (например, держание войск в колонне под неприятельским огнем, не прикрыв себя кавалерийской цепью и рассыпным строем егерей), во-вторых, если бы неодобрение было высказано войскам, а не генералам, которые одни в том были виноваты, и в-третьих, если бы наши генералы в Швейцарском походе Римского-Корсакова и в Голландской экспедиции не показали себя действительно плохими.

В числе «куриозных» приказов приводят и такие: «Е. И. В-во на маневре 8 сентября принужденным себя нашел арестовать генерал-майора Томича» и 6 полковников Конной гвардии «за безрассудные их поступки во время оного, как-то: 1) кавалерия шла по четыре мимо неприятельского фронта под самым близким картечным выстрелом; 2) сделала атаку, наехав на неприятеля ближе, нежели повелено было; 3) во время ретирады был шум, и 4) лейб-гусары фланкировали против повеления своего начальника под неприятельскими батареями на картечный выстрел, и во все то время такой шум происходил, что команды не слышно было» (Высочайший приказ 11 сентября 1800 г.). Генерал-майор Томич был командиром л.-гв. Гусарского полка.

Высочайший приказ 8 сентября 1800 года: «Е. И. В-во объявляет Высочайшее свое благоволение бывшим сего числу войскам на маневрах ген. от инф. Голенищеву-Кутузову и ген. от кав. гр. фон-дер-Палену, так же и всем батальонным командирам; нижним же чинам жалует по рублю, по чарке вина и по фунту говядины на человека, а

при том Высочайше объявить изволил, что весьма утешно для Е. И. В-ва видеть достижение войском такого совершенства, в каковом оно себя показало во всех частях под начальством таковых генералов, которых качества и таланты, действуя таковыми войсками и такой нации, какова Российская, не могут не утвердить и не обеспечить безопасности и целости Государства».

Император Павел не стеснялся объявлять выговоры даже фельдмаршалами, что было, конечно, мерой чрезвычайной. При частом же прибегании к чрезвычайным мерам они теряют свое свойство чрезвычайности, то есть не производят ожидаемого впечатления. Но мы уже имели случай видеть, что при Екатерине II было столько отдельных «войск», сколько было фельдмаршалов, ибо каждый из них считал себя вправе управлять своей армией, исключительно сообразуясь со своими взглядами, а не с уставами.

Из фельдмаршалов более других получал выговоров Салтыков 2-й и обыкновенно приводится в печати приказ 24 февраля 1800 г.: «Его Императорское Величество делает выговор генерал — фельдмаршалу Салтыкову 2-му за незнание службы», но этому предшествовал выговор 3 июня 1799 г.: «Делается выговор фельдмаршалу графу Салтыкову 2-му за ослабление и беспорядок команды его в упущении арестанта», а 14 августа 1800 года последовал третий: «Дается на замечание всем шефам кавалерийских полков, дабы не могло случиться подобного беспорядка, какой случился в Кирасирском гр. Салтыкова 2-го полку, которого вопреки всех предписаний кирасирские лошади выпущены были на луга для подножного корма, то за таковое незнание службы ген.-фельдмаршалу гр. Салтыкову 2-му делается выговор, а командир того полка г.-м. Бычков исключается из службы».